

УДК 621.039

Осокин Александр Владиславович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Юридический факультет

Россия, Москва

osokin2001@yandex.ru

Osokin Alexander

Lomonosov Moscow State University

Faculty of Law

Russia, Moscow

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Аннотация: в статье рассматриваются особенности правового обеспечения безопасности в сфере атомной энергии в сравнительно-правовом аспекте. Автор анализируется структура органов надзора в сфере использования атомной энергии, механизмы обеспечения безопасности объектов атомной энергии. Особое внимание автор уделяет вопросу ответственности за нарушение условий эксплуатации объектов атомной энергии, анализу моделей компенсации ущерба жертвам аварий на объектах атомной энергии.

Ключевые слова: атомная энергия, правовое обеспечение безопасности атомной энергии, государственная корпорация «Росатом», Росэнергоатом, ответственность.

LEGAL FRAMEWORK FOR NUCLEAR POWER SAFETY: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE

Annotation: this article considers the peculiarities of legal security in the field of atomic energy in the comparative legal aspect. The author analyzes the structure of supervisory bodies in the field of atomic energy use, mechanisms for ensuring safety

of atomic energy facilities. The author pays special attention to the issue of liability for violation of the conditions of operation of atomic energy facilities, analyzes the models of compensation for victims of accidents at atomic energy facilities.

Key words: nuclear energy, legal support of nuclear energy safety, Rosatom State Corporation, Rosenergoatom, liability.

Атомная энергия на данном периоде развития науки и техники является единственным наиболее энергетически эффективной отраслью энергетики, а также экологически чистым видом энергии, поскольку производимая в ходе расщепления атома энергия не содержит следов загрязняющих веществ. Кроме того, атомная энергия является одним из наиболее дешевых источников энергии, поскольку она предполагает производство электроэнергии без значительных финансовых затрат, кроме тех, которые осуществляются при финансировании строительства атомной электростанции. При этом данный источник энергии таит в себе множество рисков и опасностей не только для отдельно взято экосистемы, но и для всего человечества в целом.

Примеры кристаллизации подобных рисков, к сожалению, имеют место: трагедия на Чернобыльской АЭС и на АЭС «Фукусима-1» в 1986 и 2011 гг. соответственно. Каждая из данных катастроф породила множество страхов относительно перспектив использования мирного атома, но не приводила к окончательному отказу от данной технологии: данные аварии стали лишь поводом для ужесточения регуляторных требований к деятельности в области атомной энергии. По замечаниям государственных чиновников еще в 2011 г., нововведения в Федеральный закон от 21.11.1995 № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии» имеют большое значение для формирования системы государственного регулирования безопасности при использовании атомной энергии на протяжении всего жизненного цикла объектов ее использования [1]. Таким образом, по мере развития атомной энергии усиливались регуляторные

требования к ее использованию, в частности, к обеспечению безопасности атомных объектов.

1. Общие замечания. Существующее регулирование МАГАТЭ на международном уровне является во многом рамочным, поскольку существующие модели правового обеспечения безопасности в сфере атомной энергии различаются в зависимости от юрисдикции [2]. В частности, российское регулирование в сфере правового обеспечения безопасности в сфере атомной энергии можно назвать одним из эталонных, поскольку российская атомная энергия по своему развитию и влиянию находится на передовых мировых позициях. При этом отметим, что российская модель является высокопублицизированной, поскольку правовое обеспечение безопасности осуществляется Государственной корпорацией «Росатом» (далее – ГК «Росатом»), которая является юридическим лицом публичного права, то есть обладает не только полномочиями в сфере регулирования имущественных отношений, в сфере организационно-распорядительных полномочий, а также в сфере осуществления нормотворчества [3; 4]. Таким образом, имеет место реализация *state action theory*, когда отдельные государственные полномочия делегируются государством организованным негосударственным организациям, коим и является ГК «Росатом».

В зарубежных правовых порядках не наблюдается подобной централизации, поскольку – в зависимости от степени реализации правил МАГАТЭ – наличествует единый регуляторный орган, осуществляющий мероприятия по обеспечению безопасности объектов атомной энергии, которые являются юридическими, а не структурными подразделениями какой-либо централизованной структуры, как это имеет место в российской юрисдикции. При этом единым для всех юрисдикций является подход, связанный с осуществлением безопасности не непосредственно источников атомной энергии, а от отходов производства – радиоактивных отходов, хвостохранилищ и т.п. –

требования к безопасности, которых значительно ниже, чем к действующим объектам атомной энергии. В этой связи в сфере мероприятий по обеспечению безопасности атомной энергии, не связанной с функционированием такого объекта, а связанного с использованием, складированием или захоронением подобных отходов, допускается участие широкого круга лиц, что также влияет на безопасность атомной энергии.

2. Модели правового обеспечения безопасности атомной энергии: сравнительный анализ. В контексте сопоставления двух существующих моделей регулирования целесообразно рассмотреть следующие положения: (i) основные регуляторные органы, а также статус организаций в сфере атомной энергии; (ii) механизмы правового обеспечения безопасности объектов атомной энергии; (iii) вопросы имущественной ответственности за вред, причиненный объектами атомной энергии. В этой связи применительно к каждому вопросу будут приведены модели российского и зарубежного правопорядков в части регулирования соответствующих отношений.

2.1. Основные регуляторные органы и статус организаций в сфере атомной энергии. Применительно к наличию регуляторного органа, а также правового статуса организаций в сфере атомной энергии существуют определенные разночтения, поскольку российская модель исходит из системы компаний-матрешек, когда западные и международные стандарты исходят из наличия единого регуляторного органа в области обеспечения безопасности объектов атомной энергии, который во многом обособлен от государственной власти, а также осуществляет допуск конкретных субъектов на рынок атомной энергии.

Применительно к российскому регулятору и системе организаций в сфере атомной энергии отметим, что ГК «Росатом» обладает дуалистическим статусом, поскольку она, с одной стороны, осуществляет государственное регулирование в сфере использования атомной энергии совместно с другими органами

исполнительной власти, а, с другой стороны, является материнской компанией по отношению ко всем объектам атомной энергии, существующим на территории РФ. При этом в данном случае корпоративное управление осуществляется посредством компаний-матрешек, поскольку ГК «Росатом» владеет 95% акций в уставном капитале АО «Атомэнергопром», который, в свою очередь, владеет 100% акций АО «Концерн Росэнергоатом» [5]. В частности, ГК «Росатом» владеет в уставном капитале АО «Атомэнергопром» мизерной долей, которая существует для того, чтобы обойти запрет на создание компаний-матрешек, который установлен в абз. 2 п. 2 ст. 66 Гражданского кодекса РФ.

Последний же, в свою очередь, владеет 100% акций акционерных обществ, которыми структурируются объекты атомной энергии – АЭС на территории РФ и на территории ряда зарубежных государств (Венгрия, Египет, Турция). Таким образом, компании-матрешки в российской модели регулирования использования атомной энергии имеют широкое распространение по той причине, что государство не заинтересовано в выбытии стратегических технологий «мирного атома» из государственной монополии, вследствие чего максимально публикует эту отрасль, при этом допуская осуществление корпоративного управления имущественного комплекса атомной отрасли России в форме акционерного капитала.

Единственной особенностью российского правового регулирования атомной энергии является то, что Запорожская АЭС структурирована не в качестве филиала АО «Концерн Росэнергоатом», а в качестве эксплуатирующей организации ЗАЭС, что, тем не менее, является промежуточным этапом при преобразовании ЗАЭС в федеральное государственное унитарное предприятие [6]. Подобное решение может быть объяснено лишь тем обстоятельством, что ЗАЭС требует обновления как с точки зрения материальных активов, так и с точки зрения требований безопасности по российским стандартам в области использования атомной энергии, что с учетом ведения боевых действий в

непосредственной близости от ЗАЭС рискует оказаться проблематичным в краткосрочной перспективе.

Кроме того, важно отметить, что ГК «Росатом» осуществляет государственное регулирование в области использования атомной энергии совместно с рядом иных органов исполнительной власти. В частности, значительное число полномочий ГК «Росатом» осуществляет во взаимодействии с уполномоченными федеральными органами исполнительной власти в сфере использования атомной энергии (Ростехнадзор – Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору). ГК «Росатом» осуществляет часть полномочий в сфере обеспечения безопасности либо самостоятельно, либо во взаимодействии с Ростехнадзором [4]. В частности, он осуществляет полномочия в сфере обеспечения экологической безопасности в связи с использованием атомной энергии, обеспечения безопасности перевозок ядерных материалов, обеспечение безопасности объектов атомной энергии во взаимодействии с Министерством обороны, осуществляет контроль за радиационной безопасностью на подчиненных предприятиях и организациях, а также осуществляет лицензированием деятельности в области использования атомной энергии для целей обороны страны, создания ядерного оружия.

Значительные полномочия в сфере обеспечения безопасности находится в полномочиях Ростехнадзора. В частности, Ростехнадзор осуществляет лицензирование деятельности в области использования атомной энергии [4]. Подобная структура правового обеспечения безопасности атомных объектов свидетельствует о том, что, несмотря на возможность осуществления части полномочий в сфере безопасности объектов атомной энергии и т.п. ГК «Росатом» самостоятельно, существенные надзорные полномочия находятся в сфере регулирования Ростехнадзора.

Иная ситуация имеет место в иностранных правовых порядках. В частности, европейское регулирование исходит из того, что государства-члены

Европейского союза должны учредить единый орган в сфере надзора за использованием атомной энергии, который, в свою очередь, будет подотчетен Евроатому [7]. Аналогичное регулирование характерно и для канадского регулирования, поскольку действующее законодательство в области обеспечения безопасности использования ядерной энергии предусматривает создание единого органа – Канадской комиссии по ядерной безопасности [8]. Во многом подобный подход, связанный с созданием единого регулятора, характерен для классических рыночных экономик, с одной стороны, по историческим причинам, а, с другой стороны, по причине имплементации положений и рекомендаций МАГАТЭ.

Во-первых, для классических рыночных экономик нехарактерно нахождение атомных установок или атомных реакторов в государственной собственности (вне зависимости от формального закрепления подобного имущества за определенным субъектом. Во-вторых, МАГАТЭ при осуществлении полномочий регулятором в области безопасного использования атомной энергии исходит из того, что, несмотря на отсутствие единой модели регуляторного органа, государствам надлежит определить четкий правовой статус регуляторного органа при обеспечении безопасности использования атомной энергии, а также отделять регуляторные функции от нерегуляторных функций [2].

В контексте российской действительности подобный подход, предлагаемый МАГАТЭ, логически нарушается, поскольку он исходит из наличия двух регуляторных органов – ГК «Росатом», который осуществляет полномочия в сфере имущественных отношений, частично – в сфере регуляторных полномочий, а также Ростехнадзора, который осуществляет регуляторные и надзорные полномочия в сфере обеспечения атомной безопасности. Таким образом, различия моделей регулирования в части регуляторных органов очевидны: особенности отечественного имущественного

комплекса в сфере атомной энергии привели к тому, что приватизация сферы атомной энергии рискует оказаться губительной для этого комплекса, а также может привести к государственной тайне, к коей относятся сведения о «мирном» и «военном» атоме [9; 10]. В этой связи организация регуляторных органов в различных правопорядках – прямое следствие экономических связей, а также степени государственного проникновения в сферу правового обеспечения безопасности атомных объектов.

2.2. Механизмы правового обеспечения безопасности объектов атомной энергии. Основные механизмы по правовому обеспечению безопасности объектов атомной энергии сводятся к тому, что в число регуляторных полномочий входят следующие меры: (i) уведомление регуляторного органа со стороны заинтересованных лиц о намерении осуществлять деятельность в области использования атомной энергии; (ii) допуск к осуществлению деятельности в области использования атомной энергии, или лицензирование такой деятельности; (iii) проверка соблюдения обязательных требований в области использования атомной энергии; (iv) создание системы мер публично-правового и частноправового принуждения, системы ответственности; (v) возможность обжалования решений регуляторного органа, в том числе в судебном порядке [2].

Совокупность данных мер, предлагаемых МАГАТЭ, во многом принимается всеми регуляторными органами по всему миру, вследствие чего существенных отличий в данном случае применительно к российскому или зарубежному правопорядкам не существует. Однако данная модель исходит из того, что вход на рынок использования атомной энергии не монополизирован государством, а может осуществляться и относительно независимыми субъектами, вследствие чего предоставление им средств правовой защиты административного и судебного характера является весьма целесообразной мерой.

При этом есть исключительно российские особенности правового обеспечения безопасности объектом атомной энергии. В частности, любопытной и, крайне важной, особенностью является то, что в отношении объектов атомной энергии запрещено осуществлять фото- и/или видеосъемку. Подобный запрет основывается на следующем. Действующее законодательство исходит из того, что одним из основных принципов правового регулирования в области использования атомной энергии является доступность информации в сфере использования атомной энергии, если эта информация не содержит сведений, составляющих государственную тайну [4].

При этом обращение к подзаконным актам в сфере установления содержания понятия «государственная тайна» свидетельствует о том, что в сведения, составляющие государственную тайну, входят сведения о проектировании, сооружении, эксплуатации, обеспечении безопасности объектов ядерного комплекса, о физической защите ядерных материалов, изделий на их основе, ядерных установок, пунктов хранения ядерных материалов, об охране ядерно опасных или радиационно опасных объектов [11]. Кроме того, объекты ядерного комплекса представляют собой режимные объекты по той причине, что АЭС – это объект, на котором ведется работа с использованием сведений, составляющих государственную тайну, и для функционирования которой установлены специальные меры безопасности. В таком случае АЭС представляет собой режимный объект, вследствие чего фото- и видеосъемка на таком объекте должны ограничиваться.

Иным механизмом правового обеспечения безопасности объектов атомной энергии, а также радиоактивных отходов от использования объектов атомной энергии является предоставление отдельных привилегий субъекту, осуществляющему деятельность по поддержанию безопасности пункта хранения радиационного источника. В частности, показательным является дело о банкротстве ОАО «ГМЗ» в Ставропольском крае. В рамках изменения

очередности удовлетворения имущественных требований кредиторов Должника конкурсный управляющий мотивировал такое изменение тем, что существует необходимость продолжения осуществления Должником производственной деятельности в целях обеспечения безопасности пункта хранения радиационного источника, предотвращения увольнения работников и угрозы прекращения поставки тепло- и электроэнергии в г. Лермонтове, а также сохранения единого производственного комплекса на базе имущества должника и наиболее выгодной его реализации.

При этом существует неопределенность относительно правового статуса хранилища радиоактивных отходов (далее – хвостохранилище), входящего в имущественный комплекс Должника, а также заполнения карт хвостохранилища (передача на хранение) нерадиоактивным фосфогипсом от переработки апатита. В частности, существуют противоречия между судебным решением в рамках производства по делу о несостоятельности (банкротстве) и позициями соответствующих контрольно-надзорных органов [12; 13].

Судебная практика исходит из того, что «хвостохранилище, являющееся радиационно опасным объектом, не было выведено из эксплуатации и захоронено. Именно поэтому ОАО «ГМЗ» был признан эксплуатирующей организацией, осуществляющей работы по закрытию радиационно опасного объекта, несущим ответственность за безопасное состояние хвостохранилища, в том числе устранение радиационного воздействия радиоактивных отходов на окружающую среду и население». Кроме того, «в случае невозобновления Должником производственной деятельности 10.10.2018 и в последующем непринятии конкурсным управляющим мер по продолжению ее осуществления могла возникнуть опасность распространения радиоактивных веществ, а также прекращения поставки тепло- и электроэнергии в городе Лермонтов, что привело бы к нарушению функционирования всех систем жизнеобеспечения более 22,6 тысяч человек, угрозе их жизни и здоровью».

При этом подобная неопределенность привела к возникновению проблемы определения статуса подобного хвостохранилища. В частности, целесообразно выделить две позиции относительно данного объекта.

В первом случае, если хвостохранилище будет признано радиационно опасным объектом, то деятельность эксплуатирующей организации (ОАО «ГМЗ») будет подлежать лицензированию.

Лицензированию подлежат виды деятельности в области использования атомной энергии – размещение, сооружение, эксплуатации и вывод из эксплуатации ядерных установок, радиационных источников, пунктов хранения ядерных материалов и радиоактивных веществ, хранилищ радиоактивных отходов и т.п. Следовательно, хвостохранилище ОАО «ГМЗ», являясь радиационно опасным объектом, должно получить разрешение от соответствующего государственного органа на осуществление деятельности в области использования атомной энергии.

На данный момент ОАО «ГМЗ» не имеет действующего разрешения (лицензии) на осуществление работ в области использования атомной энергии. Отсутствие соответствующего разрешения (лицензии) влечет привлечение Должника к административной ответственности за нарушение правил использования атомной энергии и учета ядерных материалов и радиоактивных веществ [14].

Кроме того, должник в рамках спора с Росприроднадзором относительно платы за негативные воздействия на окружающую среду (в процессе производственной деятельности Должника вырабатывался фосфогипс (отход IV класса опасности – малоопасный отход), который размещался (хранился) на объекте) первому удалось убедить Верховный Суд РФ, а также нижестоящие инстанции в следующем. «Отходы (фосфогипс) размещались (хранились) на хвостохранилище на законном основании, поскольку деятельность ответчика по рекультивации объекта имеет природоохранное значение и направлена на

обеспечение радиационной безопасности, окружающей среды – слой нейтрализованного фосфогипса практически исключает эсхалацию радона и не выделяет вредных веществ. В этой связи отсутствуют правовые основания для возложения обязанности по внесению платежей за негативное воздействие на окружающую среду» [15].

В случае, если хвостохранилище является радиоактивным объектом, то ОАО «ГМЗ» при наличии соответствующего разрешения на осуществление работ в области использования атомной энергии вправе не платить за негативное воздействие на окружающую среду в связи с выбросом фосфогипса в процессе производственной деятельности и использованием его для целей рекультивации хвостохранилища.

Во втором случае, если хвостохранилище не будет признано радиационно опасным объектом, то ОАО «ГМЗ» будет вынуждено осуществлять платежи за негативное воздействие на окружающую среду. Эксплуатируемое Должником хвостохранилище является специализированным объектом, предназначенным для размещения (хранения) отходов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, не требующую дополнительного подтверждения. Следовательно, в отсутствие специального разрешения на осуществление работ в области использования атомной энергии и необходимости рекультивации хвостохранилища Должник не освобождается от платы за негативное воздействие на окружающую среду.

Таким образом, механизмы правового обеспечения безопасности атомных объектов или радиационно опасных объектов имеет под собой прямое влияние на имущественные правоотношения даже в такой централизованной правовой модели как Российская Федерация, не допускающая участия относительно независимых от государства лиц в использовании атомной энергии.

2.3. Ответственность за вред, причиненный при использовании атомной энергии. Вопросы ответственности за вред, причиненный при

использовании атомной энергии, на данный момент не является вполне ясным, поскольку аварии с участием объектов атомной энергии не являются частым явлением, вследствие чего механизмы компенсации, с частноправовой точки зрения, на данный момент не выработаны. В частности, все международные конвенции, связанные с установлением имущественных санкций для государства как собственника объектов ядерного комплекса и иных радионно опасных объектов, сводятся к тому, что размер ответственности государства ограничивается, а вероятный вред компенсируется посредством внедрения системы страхования ответственности [16, с. 19].

Аналогичная ситуация наблюдалась и при катастрофе на АЭС «Фукусима-1», когда суд снял с государства обязанность по возмещению вреда, причиненного радиацией, населению Японии и обязал выплатить компенсацию лишь отдельным лицам, проживавшим в непосредственной близости от АЭС «Фукусима-1». При этом, как отмечается в доктрине, предусматривалось создание специального комитета по разрешению споров относительно компенсации ядерного ущерба, разработка в целях содействия внесудебному урегулированию споров руководств и рекомендаций, касающихся размера и правил определения подлежащего возмещению ущерба, а также проведение исследований и определение ядерного ущерба для вышеуказанных целей [17, с. 770-771].

Единственным приемлемым, но не частноправовым, примером по попытке компенсации ущерба от последствий чернобыльской катастрофы является предоставление ряда льгот и социальных гарантий для непосредственно ликвидаторов аварии, а также для граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие чернобыльской катастрофы [18]. Последствия кыштымской катастрофы не были каким-либо образом отмечены в правовом поле, поскольку данная катастрофа замалчивалась, вследствие чего отсутствовали разного рода компенсации.

Любопытным аспектом, связанным с публично-правовой ответственностью, является наличие в праве вооруженных конфликтов положения, согласно которому международно-правовой защите подлежит «атомная электростанция», включая ядерный реактор, что, однако, не включает в себя вспомогательную инфраструктуру [19]. В доктрине по этому поводу отмечается, что необходимо осуществить полный запрет на ведение боевых действий в отношении вспомогательной инфраструктуры, примером чему являются систематические обстрелы ЗАЭС со стороны украинской стороны [16, с. 21]. Таким образом, ведение боевых действий в непосредственной близости или на территории АЭС рискует оказаться крайне опасным не только для сторон конфликта, но и для нейтральных стран, поскольку радиационное заражение может распространиться неконтролируемым образом.

3. Краткие выводы. По мере рассмотрения правового обеспечения безопасности использования атомной энергии целесообразно прийти к следующим выводам. Во-первых, регулирование атомной энергии может осуществляться как единым регуляторным органом, так и в «дуалистической системе», когда соответствующие полномочия распределены между отдельными ведомствами. Подобное разделение может быть актуальным в государствах со значительным государственным сектором в экономике, а также с развитой атомной промышленностью.

Во-вторых, основные механизмы по правовому обеспечению безопасности атомных объектов сводятся к ординарным процедурам, которые свойственны для любой сферы деятельности с повышенными рисками. При этом для объектов атомной энергии создается дополнительная защита (запрет на фото- и видеосъемку), а также ряд бюрократических рент, позволяющих, напр., в деле о банкротстве «включиться» в состав кредиторов по текущим платежам при наличии радиационно опасного объекта, что стимулирует хозяйствующих

субъектов к обеспечению деятельности по поддержанию безопасности подобных объектов.

В-третьих, основные компенсационные механизмы за вред, причиненный использованием атомной энергии, в недостаточной степени развиты, поскольку представляют собой ситуации единичного характера. В частности, пример с АЭС «Фукусима-1» является нерелевантным по той причине, что компенсации определялись в дискреционном характере, а чернобыльская катастрофа решалась административными путями – посредством предоставления соответствующих льгот и социальных гарантий, что нехарактерно для классической рыночной экономики и имущественной ответственности.

В-четвертых, защита объектов ядерного комплекса в ходе вооруженных конфликтов требует значительного пересмотра, поскольку актуальный вооруженный конфликт свидетельствует о том, что объекты атомной энергии нуждаются в повышенной защите по причине рисков для множества лиц, в том числе и для населения нейтральных стран. Кроме того, прямое использование объектов атомной энергии в военных целях должно быть исключено.

Список литературы:

1. Липатов Ю. Комментарии относительно нового законопроекта в сфере атомной энергии [Электронный ресурс] // URL: <http://duma.gov.ru/news/6310/>.
2. Stoiber C., Cherf A., Tonhauser W., Vez Carmona M. Handbook on Nuclear Law: Implementing legislation. – Vienna, 2010. 168 p.
3. Федеральный закон от 01.12.2007 № 317-ФЗ «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» // «Собрание законодательства РФ», 2007, № 49, ст. 6078.
4. Федеральный закон от 21.11.1995 № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии» // «Собрание законодательства РФ», 1995, № 48, ст. 4552.
5. Акционерный капитал АО «Росэнергоатом» [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rosenergoatom.ru/shareholders/aktsionernyy-kapital/>.

6. Указ Президента РФ от 05.10.2022 № 711 «Об особенностях правового регулирования использования атомной энергии на территории Запорожской области» // «Собрание законодательства РФ», 2022, № 41, ст. 7046.
7. Council Directive 2009/71/Euratom of 25 June 2009 establishing a Community framework for the nuclear safety of nuclear installations // OJ. L. 172, 2.7.2009, p. 18-22.
8. Nuclear Safety and Control Act // S.C. 1997, с. 9.
9. Указ Президента РФ от 30.11.1995 № 1203 «Об утверждении Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне» // Собрание законодательства РФ, 1995, № 49, ст. 4775.
10. Закон Российской Федерации от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне» // «Собрание законодательства РФ», 1997, № 41, ст. 8220-8235.
11. Указ Президента РФ от 30.11.1995 № 1203 «Об утверждении Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне» // «Собрание законодательства РФ», 1995, № 49, ст. 4775.
12. Определение Арбитражного суда Ставропольского края от 16.09.2019 по делу № А63-2940/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Определение Арбитражного суда Ставропольского края от 02.07.2021 года по делу № А63-6407/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 2002, № 1 (ч. 1), ст. 1.
15. Определение Верховного Суда РФ от 18.09.2018 № 308-ЭС18-13423 по делу № А63-6104/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
16. ElBaradei M., Nwogugu E., Rames J. International law and nuclear energy: Overview of the legal framework // IAEA Bulletin. № 3. 1995. P. 16 - 25.

17. Кожеуров Я. С. Международно-правовые аспекты возмещения ядерного ущерба, причиненного аварией на АЭС «Фукусима-1» // Актуальные проблемы российского права. № 6. 2013. С. 768 - 774.

18. Закон Российской Федерации от 15.05.1991 № 1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» // «Ведомости СНД и ВС РСФСР», 1991, № 21, ст. 699.

19. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол 1) от 08.07.1977 // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. - М., 1993. С. 134-182.